

ГИЗУМ ГЕРКО

НЕБЕСНЫМ ТЕХНАРЬ

КНИГА 3

Гизум Герко

Небесный Технарь 3

<https://litres.ru/74637414>

SelfPub; 2026

Аннотация

На весах скупщика лежит латунная тварь размером с крысу. Шесть лап, стеклянные глаза, шарниры такой точности, что я сразу забываю обо всём остальном. Кто-то создал её для работы. Я хочу узнать, для какой — и попробовать починить.

След ведёт к Утопленнику, острову, который тридцать лет назад опустился на землю. В его глубине ещё действует древняя насосная. Там я рассчитываю найти источник силы для своих находок и добычу, за которую смогу выкупить друга.

Добраться туда поможет ветхий «Шустрый». Дальше придётся спускаться на верёвке, подавать воздух по шлангу и разбирать трубы под слоем соли. Мастер Сурьмин из Гильдии тоже ищет источник и готов забрать всё, до чего доберётся.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	40
Глава 4	57
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Небесный Технарь 3

Глава 1

Подъемник на Рудной Гряде встал на четвертое утро, ровно в тот час, когда я решил, что ничего интересного на этом пирсе уже не увижу.

Три дня мы с Ургом жили под навесом среди пустых рудных корыт, пока мастера Гряды латали «Шустрому» корму. Спали на мешках с ветошью, ели из общего котла рудокопов. За котел Ург расплачивался тем, что по вечерам правил им кирки и ругал за кривую заточку. Чинил я все, до чего дотягивались руки, лишь бы за работой самому не думать о гильдейском складе.

Склад стоял на том же пирсе, шагах в сорока. Я выучил его дверь лучше, чем лица людей вокруг. Дверь не открывалась. За ней остывала батарея. Четыре дня назад я держал ее ремнями в трюме. Цилиндр под рубахой остыл еще в первую ночь вдали от батареи. Я чувствовал его холод у ребер и каждый раз вспоминал о складе. Лишний раз трогать его я себе запретил.

Подъемник я до этого утра видел только издали. Он поднимал вагонетки с рудой с нижней площадки на верхние уступы, где били молоты. Всякий раз, проходя мимо, я невольно замедлял шаг: площадка ходила между двумя ка-

менными направляющими, уходившими вверх по скале, без каната и барабана.

Площадка просто шла, ровно, без рывка, с тем тихим гудением, какое я слышал в трюме «Шустрого» от эфирного узла.

Камень направляющих отличался от местного. Серый, слитный, без швов, он был прорезан гладкими ложбинами, словно отлитыми сразу вместе с ним. Следов рубки или истирания я не видел. Мостки и навесы вокруг сколотили из досок лет десять назад, а этот камень стоял тут раньше досок, раньше рудокопов и, похоже, раньше всех, кто мог бы мне объяснить, кто его ставил.

В то утро площадка остановилась на середине хода.

На застывшей площадке стояла полная вагонетка. Руда в ней лежала с горкой. С горки сыпалась мелочь, звонко прыгая по камню вниз. Рудокопы на верхней площадке заорали так, будто у них отняли хлеб, что, если подумать, было недалеко от правды. Снизу им отвечали те, кто ждал своей очереди с полными тачками.

Ург сидел рядом на перевернутом корыте и правил чью-то кирку. Он поднял голову, посмотрел на застывшую площадку и опустил голову обратно.

— Опять встал, — проворчал Ург, продолжая править кирку. — Ну, теперь до обеда орать будут. Глотки у них здоровые, не то что подъемник.

Через четверть часа к подъемнику пришли трое с гильдей-

ского склада: мастер в сером плаще и двое рабочих с носилками. Груз принимал другой мастер; этот был помоложе, с ровно подстриженной бородкой. Под мешковиной на носилках лежало что-то длинное и тяжелое. Я узнал форму раньше, чем сдернули ткань.

Цилиндр под рубахой начал нагреваться.

В этот раз тепло прибавлялось понемногу, будто озябшую руку сунули под мышку. До жара, вспыхнувшего тогда в трюме, было далеко, но я уже вскочил с корыта, еще толком ничего не сообразив. Ург остался сидеть, перестав править кирку.

Батарею несли ту самую. Темный бок, перегретый нашей кустарной перемычкой, тусклые прорези, содранный край ремня, за который я сам тянул в трюме, все это я узнал бы и с закрытыми глазами.

Ее несли прямо к гнезду подъемника. Ни продажи, ни отправки в Семь Причалов на разбирательство, о котором так много говорил серый представитель, ждать больше не приходилось. От его разговоров сытым все равно никто бы не стал. Со складом тоже было кончено: батарею уносили на работу.

Гнездо открылось в основании подъемника, за железной решеткой. Мастер отпер ее ключом на шнуре. Внутри стояла каменная ниша с ложем под цилиндр и двумя медными зажимами, похожими на те, что я видел у Игната на узле. На дне ниши лежала другая батарея, потемневшая сильнее нашей. Прорези у нее погасли совсем. Рабочие вынули ее рав-

нодушно, будто сгоревшую вставку из фонаря.

Ург все-таки подошел и встал рядом, оставив между нами и нишей достаточно места. Единственным глазом он придиричливо осматривал ее, как чужую сварку.

— Третью за год. Батареи жрет как боров, а гильдейские только успевают ему корыто подставлять.

Рабочие положили нашу батарею в ложе. Мастер встал над ней, снял перчатки, сунул их за пояс и взялся за зажим. Зажим состоял из двух медных полуколец на двух винтах. Один из винтов упирался в камень.

Устройства я не знал, но порядок затяжки был понятен: первым надо тянуть винт с упором. Иначе полукольца сходятся криво, и батарея ложится с перекосом. Мастер начал с другого винта. Край батареи уже приподнялся на палец, а он продолжал затяжку, глядя на свои руки. По усилию перекоса он, похоже, тоже не чувствовал.

На заводе за такую затяжку я бы отобрал ключ. Здесь ключ был не мой, батарея не моя и даже пирс не мой.

— Зажим тянете не тем краем, — сказал я все равно. — Она у вас встает с перекосом. Вон, край пошел.

Мастер повернул голову и оглядел меня: куртку с портовой заплатой, обожженные пальцы, мальчишеский рост.

— Мальчишка, отойди. Гильдейскому мастеру под руку не говорят, а портовой мелюзге и рот раскрывать не положено.

Затем снова взялся за винт и продолжил тянуть с того же

края.

Ург молча положил мне руку на плечо, как тогда, на пирсе, когда уносили батарею. Подержал чуть-чуть, дав почувствовать вес ладони, и убрал. В этом коротком прикосновении было больше поддержки, чем приказа. Шаг назад дался легко, молчание труднее.

Батарея села в ложе криво. Мастер закрыл решетку и повернул ключ. Прорези батареи за решеткой слабо засветились, отзываясь на что-то в камне. Площадка подъемника вздрогнула, гудение вернулось, и вагонетка с рудой поползла вверх под хриплый одобрителный рев с обеих площадок.

Цилиндр под рубахой медленно остывал, как кружка, отставленная от огня. Пока подъемник набирал ход, тепла у ребер становилось все меньше. Казалось, от батареи мне больше ничего не доставалось.

Теперь батарея лежала в каменном ложе под решеткой. Пока она остывала за дверью склада, я еще надеялся ее выкупить. Здесь подъемник израсходует весь запас, и довольно быстро, если верить Ургу, а Ургу я верил. Третья за год. Две прежние лежали где-то в сарае мертвыми цилиндрами. Хоть складывай их там, хоть отдавай за них тысячу серебром, хоть затевай разбирательство, заряд от этого не появится.

Я снова посмотрел на направляющие. При всей своей древности камень сохранился удивительно хорошо. Изношенную направляющую я бы узнал где угодно: выработка ложится неровно, с заусенцами по кромке, с выкрошенными

местами там, где площадка била при остановках.

Здесь ничего такого не было. Ложбины шли ровные, гладкие, как русло под водой. Площадка в них ходила без люфта. Гудение, пока оно было, звучало чисто.

Механическая часть подъемника выглядела целой. Остановки начинались после того, как заканчивался запас источника в ложе под решеткой. До этого он работал исправно. Потом люди в сером приносили следующий источник и затягивали зажим не тем краем.

Я не знал, от чего работал этот камень, пока сюда не стали носить батареи. Не знал даже, положено ли подводить к нему что-то извне. Зато я видел станки с целыми шестернями, вставшие из-за недостатка подачи. К ним просто подвели тонкую трубу вместо толстой. Каждый раз после этого кто-нибудь говорил «износ» и выписывал новые шестерни.

Подъемник оставался исправным. Для работы ему не хватало питания.

К этому выводу я возвращался, глядя на батарею за решеткой. Выкупать ее я больше не собирался. Я прикинул остаток: через несколько недель от нее останется столько же, сколько от двух предыдущих. Гордиться тут было нечем. Мастер с бородкой скажет «износ».

Ург сунул чужую кирку под мышку.

— Пойдем. Капитан ждет. А на гильдейскую работу ты еще насмотришься, ее на твой век хватит.

* * *

Капитан «Шустрого» стоял у трапа. Выглядел он под стать своему судну. Корму залатали. Свежие доски на ней белели среди обугленных, как новые зубы в старом рту.

Обшивку по левому борту закрыли внахлест кусками кровельного железа. Мастера Гряды, видимо, считали его подходящим материалом для летающего корабля. Мнение у меня на этот счет имелось, но его никто не спрашивал. Стабилизирующая плита левого борта осталась голой рамой. Полотно на нее не нашли.

Капитан смотрел на нас без улыбки, но и без той усталой серости, с которой встречал серого представителя.

— Мастер Ург. Кир. Судно к отходу готово, ждали только вас.

— Капитан, — сказал Ург и поглядел на корму. — Залатали, я гляжу.

— Довезу вас до Семи Причалов, как уговаривались здесь же, на Гряде. Мой экипаж помнит, что вы для нас сделали.

Больше капитан ничего не сказал. Ург кивнул. Вопрос о плате за проезд закрылся еще в тот вечер. Открывать его заново не стоило ни мне, ни ему.

Мы поднялись по трапу. На подходе к Гряде рулевой был бледный до синевы, пальцы у него не разжимались на штурвале. Теперь он стоял у колеса с цветом на лице и кивнул нам как своим.

Прокл улетел накануне. Пузатый рудовоз, уходивший к Семи Причалам с вечерним ветром, взял его вместе с меш-

ком. Мешок Прокл привязал к поясу двумя шнурами и напоследок крикнул мне с борта:

— Начнет Фома с мешком спорить, я мешок ему на стол положу. И Фому сверху, для весу!

Теперь он был уже где-то впереди нас с моей тысячей, а его дощечка лежала у меня под курткой. Впервые за много дней я подумал о Фоме без того, чтобы у меня свело живот.

«Шустрый» отошел от пирса на малом ходу. Снизу гудел эфирный узел на своих старых кристаллах, которые мастера Гряды все-таки перебрали. По указаниям Игната у узла работал матрос: обожженными ладонями Игнат пока ничего удержать не мог.

В корме дважды раздалась перебои, затем винт набрал обороты. Рудная Гряда осталась позади со своими навесами, молотами, цепями и подъемником, который снова шел вверх ровно, тихо, после очередной замены батареи. А причину остановок мастера так и оставили без внимания.

У борта я простоял, пока гряда не ушла в серую полосу облаков, а потом пошел вниз. На судне, где пассажиры становятся ремонтниками, стоять у борта долго не получается.

Мастерам Гряды заплатили за корму, ее они и сделали. За остальное им не платили, и до остального они даже не дотронулись. Вскоре мне представился случай в этом убедиться.

Первым мне попался неисправный водоотливной насос, ручной, в кормовом отсеке. В шторм до него ни у кого не дошли руки, воду тогда черпали ведрами.

Теперь насос сухо стучал. Матросу поручили откачать то, что натекло за стоянку. Качал он с остервенением, а вода из рукава шла плевками. Каждый плевок давался ему, судя по лицу, дороже, чем мне доставалась тысяча.

— Погоди, дай я попробую, — сказал я, принимая у него рукоять.

Рукоять ходила легко в обе стороны, без привычного упора на рабочем ходе. Так ходит насос, когда клапан под поршнем перестал держать и всасывание уходит обратно в трюм. Я снял крышку с четырех барашков. Внутри стояло то же, что в любом ручном насосе, где бы его ни строили: две тарелки клапанов на кожаных лепестках, поршень с набивкой, шток.

Нижний лепесток задубел и встал торчком. Кожаная манжета на поршне высохла до звона и уплотнить больше не могла. За четыре дня стоянки на сухом ветру Гряды вода из насоса ушла, кожа высохла. Мастерам платили за корму. Замечать это они не сочли нужным.

Манжету я снял, вымочил в ведре, отмял пальцами и поставил обратно, подмотав под нее прядь пеньки. Пеньку я промазал смолой из бочонка, который у Урга в сумке лежал всегда и везде. Лепесток размял, смазал и уложил на место. Поставил крышку. Качнул.

Насос всосал с первого хода и на втором выдал полный рукав. Матрос посмотрел на меня так, будто я при нем вытащил монету из уха.

Я постучал пальцем по крышке.

— Кожа высохла. Сухая кожа воду не держит, а ветер на Гряде сухой.

— Ветер тут ни при чем. На Гряде мастера, — сказал матрос с таким чувством, что я понял, сколько серебра они взяли за корму.

Дальше я занялся фитильными масленками на подшипниках кормового кольца и осях стабилизаторов. Фитили стояли сухие. В половине масленок масло вытекло на пол через треснувшие стаканы; заменить их никто не удосужился. Скрежет подшипников кольца я слышал еще из коридора.

Пришлось пройти по всем масленкам. Заправил их, подрезал фитили, два стакана обмотал тряпкой на смоле. Других стаканов на судне не было, а кольцо без масла могло не дотянуть до порта. Работу я делал привычно, почти не задумываясь. Правая кисть после шторма еще не разгибалась до конца, пальцы дрожали, но промазать тряпку я мог и так. Вот считать с такой дрожью было бы куда труднее.

Ург прошел мимо, глянул на масленки, на тряпку, на мою кисть.

— Стаканы тряпкой обмотал, как рудокопы сапоги латают. Держит?

— Держит. До порта дотянет, а там стаканы надо менять. Тряпка на смоле долго не простоит.

— До порта хватит. А в порту пусть капитан стаканы покупает. Я их тебе из рукава не достану.

Ург пошел к пневматике стабилизаторов, которая после

шторма держалась на его собственных заплатах. К эфирному узлу его все еще не пускали, да он туда и не рвался.

Мне остались масленки и кольцо. После смазки скрежет затих; теперь из подшипников доносилось ровное шелестение железа. Я поймал себя на том, что стою в полутемном коридоре с масленкой в руке и улыбаюсь ей, как родной. Нормальный человек с тысячей серебра улыбался бы иначе. Но тысячи у меня больше не было, а масленка была.

* * *

Игната я нашел на палубе ближе к вечеру.

Он сидел на ящике у правого борта спиной к ветру. Обе руки бережно уложил на коленях ладонями вверх, стараясь держать неподвижно. Ладони были замотаны чистой тряпкой; поверх нее темнели пятна от мази. Судя по запаху, портовый лекарь Гряды отпустил ее из бочки с дегтем.

Значок висел у него на груди. Разорванную цепочку я тогда связал узлом; теперь узнал свою работу по криво легшим звеньям.

Он поднял на меня глаза. Лицо у него за четыре дня стало старше, чем за весь рейс.

— Садись, не стой над душой. Надо мной и так весь рейс стоят, кто с мазью, кто с жалостью.

Соседний ящик подошел. Между нами лежал моток троса. Игнат положил на него замотанную руку, чтобы не держать на весу.

— Как руки? Пальцы хоть немного слушаются?

— Пока гнутся два, указательный и средний. С остальными приходится ждать. — Он взглянул на повязку. — Поработал на совесть, теперь отдыхаю за собственный счет.

Он ответил без жалобы, деловито, словно перечислял повреждения узла. Я кивнул. У меня на правой кисти плохо гнулись два пальца из пяти. Из наших рук вышла бы одна хорошая на двоих, если бы кому-то понадобилась такая рука.

Игнат посмотрел мимо меня, на корму, где за облаками осталась Гряда.

— Гильдия мне этого не забудет. Память у нее длиннее, чем было мое жалованье.

Спрашивать, чего именно, не было нужды. Сорванный значок. Батарею, подключенную к узлу через кустарную перемычку, собранную мастером без клейма и мальчишкой без ничего. Руки, которыми он держал поток, когда по всем гильдейским правилам должен был стоять в стороне и записывать нарушителей. Все это уехало в Семь Причалов с серым представителем и его папкой на несколько дней раньше нас.

Игнат помолчал.

— Причалы мне закроют. За то, что стоял с вами у одной перемычки. В Гильдии это называется дурным обществом.

— Значок-то при тебе. Пока он на шее, ты гильдейский, что бы они там про тебя ни записали.

— Значок при мне, Кир. Только причалами распоряжаются они, и цепочка на моей шее им ничем не мешает.

Он посмотрел на замотанные ладони.

— «Шустрый» теперь месяц будет ждать груза. Без гильдейского груза курьер стоит у стенки, а гильдейского после Гряды нам не дадут. Капитан это знает лучше меня.

Ветер гудел в снастях. Голая рама левого стабилизатора дрожала на своих тягах. Я машинально прикинул, сколько она продержится без полотна, если нас опять тряхнет. Прикидка вышла не веселая, но до порта ее хватало. Игнат на раму не смотрел.

— Пока судно будет стоять, открою двор на нижнем уступе. Надо же рукам привыкать к чему-нибудь, кроме мази.

— Какой двор? При Гильдии, под чужим клеймом?

— Хочу работать в своем дворе, за своим верстаком. Консоли, узлы, возьму все, что принесут. Гильдия на нижние уступы смотрит редко и свысока, а сверху плохо видно.

Слово «двор» прозвучало у него давно принятым решением, которому только не хватало повода. Повод у него висел на груди на связанной цепочке.

— Впрочем, обещать тебе пока нечего. Самого двора у меня еще нет.

Он шевельнул рукой на тросе, будто взвешивал ее.

— Есть долг за него да подвал с водой под полом. Вот с этого и начну. Как видишь, хозяйство богатое.

— Ты меня зовешь? Говори прямо, намеки я разбираю хуже, чем чертежи.

— Хочу, чтобы ты знал, где меня искать. А придешь или

нет, решишь сам, тут уже твой расчет.

Он поднял руку с троса, посмотрел на нее и положил обратно.

— Ург тебя назад возьмет, у него для тебя койка есть. У меня пока подвал. Я тебе рассказал, что могу предложить, а выбирать тебе: ты мастер.

Мастером он назвал меня спокойно, без усмешки. На пирсе Гряды он подчеркнул: «у этой перемычки три мастера». Теперь произнес как само собой разумеющееся. Я так и не нашелся с ответом. В начале рейса этот человек бил меня по рукам за приближение к узлу, а теперь говорил, где будет, на случай, если мне понадобится место.

— Подумаю. Сначала дойду до Урга и посмотрю, что стало с двором без нас.

— Думай. Это у тебя выходит лучше, чем у многих со значком.

Он откинулся спиной к борту и закрыл глаза. Разговор на этом закончился. Раньше Игнат на любой вопрос отвечал лекцией, а тут ни одной не прочел. Я подумал, что ожоги учат экономить не только движения.

Цилиндр под рубахой совсем остыл. Я опять полез под куртку потрогать его сквозь ткань, как снова и снова касаешься языком больного зуба. У ребер лежал гладкий металл, согретый лишь моим телом.

Четыре дня назад он гудел от батареи через две переборки. Сейчас батарея лежала, криво зажатая, в каменном ло-

же на Гряде и питала подъемник, одинаково быстро расходовавший запас каждой новой батарее.

Если вещь существует, к ней можно искать путь.

Эту мысль я унес с пирса Гряды. Она никуда не делась, но за эти дни к ней добавилось кое-что. Батарея существовала. Путь к ней существовал тоже, но путь этот шел через мастера с бородкой, через серый плащ, через зажим, затянутый не тем краем. Приводил он к ложу, где ее оставшегося запаса хватило бы всего на несколько недель. Этот путь был не мой.

Если мне нужен был источник, он должен был лежать где-то еще. Где, я не знал. Но подъемник на Гряде стоял на камне, который кто-то поставил раньше всех этих людей. Камню этому требовалось питание, которое кто-то когда-то сюда подавал. Батареи на таком расходе быстро кончались. Должно быть, первоначально питание здесь было устроено иначе, с расчетом на долгую работу подъемника.

До конца я этого не понимал, но запомнил все, что видел. Половина моих ремонтов на заводе начиналась так же: заметишь странность, а объяснение найдешь позже.

* * *

Семь Причалов показались из облаков на закате.

Сначала сквозь облака проступили огни. Облака внизу разошлись, открыв скальную гряду, облепленную уступами, как старый причальный камень ракушками. На каждом уступе горели фонари. За все недели в порту я ни разу не видел их сверху.

Семь громадных причальных уступов шли по скале кольцом, один над другим, со сдвигом, так что с высоты они напоминали ступени винтовой лестницы, брошенной в небо. На уступах чернели сухие доки с поднятыми лапами. Между уступами ползли грузовые площадки. У нижних балок, как мошкara у лампы, толклись малые суда.

Я прожил в этом городе уже несколько недель и впервые видел его целиком. С койки нижней палубы, из дока, со двора Урга мне открывались отдельные места, знакомые на ощупь: лестница, переулок, ворота, рынок. Теперь, с высоты, я увидел, как они соединяются. Город оказался куда больше, чем я себе представлял.

«Шустрый» снижался кругом, заходя на четвертый нижний причал, откуда мы уходили с клеткой. Рулевой вел судно по дуге. С каждым витком уступы поворачивались, показывая причальные стенки, кнехты, цепи и людей. Люди на закате казались темными запятыми на светлых досках.

Тогда я и увидел шнуры.

На трех причалах из семи, на верхнем, втором и пятом, поперек швартовых стенок висели черные шнуры. Толстые, провисшие, натянутые от столба к столбу над самыми причальными лапами, так что судно не могло подойти, не задев их. У шнуров никого не было. Просто черная линия через весь причал, а за ней пустая стенка, к которой никто не швартовался.

Игнат встал рядом и тоже посмотрел на закрытые прича-

лы. По его лицу я понял: такого он ожидал, хотя до последнего надеялся обойтись без этого зрелища.

— Что это за шнуры?

— Гильдейские шнуры. Увидишь такой поперек причала, хорошего не жди.

Он помолчал. Голая рама стабилизатора дрожала над нами, а внизу, у нижнего причала, уже бежали к кнехтам люди с концами.

— Черный шнур на причале значит, что консоль закрыта. К стенке не подходи, лапу не трогай, пока Гильдия шнур не снимет.

— Какая консоль? Я на причалах только лапы да кнехты видел.

— Лапа ходит на консоли. Под причалом стоит узел, у каждой лапы свой; его так и называют.

Он кивнул на ближний шнур. Тот медленно проплывал под нами.

— Видишь, перегородили подход. Пока шнур висит, узел считается гильдейским, и лезть к нему никому не позволят.

На трех уступах из семи висели черные шнуры. За ними тянулись пустые причальные стенки.

— Когда мы уходили, всех этих шнуров еще не было, — проговорил Игнат, продолжая смотреть вниз.

«Шустрый» коснулся кранцев четвертого нижнего. Даже смазанное кормовое кольцо закрипело так знакомо, что я уже не вздрогнул. Матросы бросили концы, люди внизу их

подхватили.

На причале пахло солью, смолой и горячим железом. Знакомый будничный запах я почувствовал еще до того, как ступил на доски. Три черных шнура над нами висели в закатном свете, как три метки на чужом чертеже, где кто-то уже начал вычеркивать то, что ему мешало.

Глава 2

Ворота двора Урга открыл Кош. На пороге он насторожился, словно ему сейчас предстояло сдавать работу мастеру.

Уже стемнело. Ржавый Базар за спиной гудел вечерними голосами, у водяной лавки на углу стояла очередь с ведрами. Фонарь над аркой двора горел ровным синеватым светом. Когда-то я принял этот свет за газовый.

Кош посмотрел на меня, на Урга за моим плечом, на сумки у нас в руках и ушел в глубину двора, не сказав ни слова. Через минуту оттуда вышла Нера с жаровней в руках, поставила жаровню на землю и вытерла ладони о фартук.

— Ну, явился наконец. Рассказывай, как слетал. Держит? — Нера оглядела меня с головы до ног.

Что именно должно было держать, Нера предоставила решать мне: рука, весь рейс или я целиком. Вместо ответа я показал ей правую кисть. Три пальца согнулись сразу, два остальных удалось согнуть с задержкой и не до конца.

— Держит. Ложку удержу, ключ тоже, а на большее пока не проверял.

— Еще рано радоваться, — сказала Нера, но лицо у нее все-таки дрогнуло. — Завтра на свету покажешь.

Ург прошел мимо нас в подсобку, бросил сумку на верстак и сел. Гнат вышел из-под навеса, где у него в свете фонаря

стоял зажатый в тиски кусок трубы, посмотрел на Урга, на меня и сказал единственное, что, по его мнению, требовало слов.

— Насос вернулся? Я думал, на Гряде оставят, у них там насосы вечно текут.

Так он звал меня с первого дня, после портового насоса. За рейс он, видимо, ничего нового не придумал.

— Вернулся, — донеслось из подсобки. — Куда он денется, у него мой огнерез.

— Хорошо. А то Лой его уже оплакал, каждый вечер у ворот вздыхал.

— Никого я не оплакивал! — возмутился из темноты Лой. — Я спросил только, когда вернется. Спросить уже, что ли, нельзя? Как спросишь, так сразу оплакал...

С этого начался спор. Длился он, пока Ург не стукнул ладонью по верстаку.

— Тихо! Развели поминки по живому. Кому язык девать некуда, у меня кожухи нечищенные стоят.

Двор затих. Ург посмотрел на меня.

— Койка за тобой, та же самая. Завтра отоспишься, потом за работу.

Кивнув, я снял с плеча жесткую сумку с малым огнерезом и положил на верстак перед ним. Инструмент вернулся целым: сопло я вычистил еще на Гряде, фляги не помял, шланги в оплетке проверил дважды. Новых царапин почти не прибавилось. Была одна, на сопле: в шторм я уронил ог-

нерез в трюме «Шустрого», а потом полчаса искал под водой на ощупь. Ургу про нее знать было не обязательно.

Ург открыл сумку и повернул к фонарю. Долго разглядывал сопло, потом встал и отнес огнерез к стене, где на крюке висели шланги большой горелки. Повесил сумку рядом и молча сел обратно. Вот и вся приемка.

— Игнат звал? Или ты сам к нему напросился? — Ург смотрел на сумку на крюке, а не на меня.

— Он сам заговорил об этом. Сказал, где его искать, когда устроится, а дальше мне решать.

— Пусть сначала двор поставит. Звать к себе без двора всякий умеет.

Больше про Игната он не говорил.

Нера сунула мне миску крупы, еще теплой с жаровни, и ложку.

— Ешь. Ложку, говоришь, удержишь, вот и проверим.

Ел я стоя, у верстака. Крупа была та же, что до рейса, пресная, с дымком. Миска кончилась раньше, чем я это заметил.

Подсобка с узкой доской вместо койки пахла по-прежнему сухими водорослями, хомутами и мышами за стеной. Доска оказалась короче, чем я ее помнил, хотя за рейс я вряд ли вырос. Холодный цилиндр я завернул в рубаху и положил под голову.

Снаружи во дворе Нера гасила жаровню, Лой что-то рассказывал Кошу, а Кош, судя по тишине, спал стоя. Лежать и слушать двор, как слушают цех после смены, оказалось при-

вычнее, чем я ожидал. Уснул я раньше, чем успел решить, рад я этому звуку или нет.

* * *

На третий день Ург послал нас с Гнатом на третий уступ. Доковые с водяного причала третьего уступа привезли во двор ржавый блок от водяного желоба. Ург за два дня его перебрал и заменил ось.

— Отнесете, поставите, проверите под грузом. При доковых, — велел он утром. — Чтоб потом не пели, что мы им дрянь вернули. — Он перевел глаз на меня. — А ты вперед Гната не лезь. Там своих умников хватает.

Гнат понес блок на плече. Мне достались ведро с инструментом и наказ.

Водяной причал я до этого видел только снизу, с четвертого, когда мы грузили клетку. Теперь мы вышли на него с лестницы. Он открылся весь, широкий, мокрый, заставленный бочками и желобами. По желобам воду с барж гнали к водяным лавкам и цистернам города.

Своей воды у Семи Причалов не было. Ее привозили снизу, с дождевых островов, в тупых пузатых баржах без своего хода. Буксиры приводили их и оставляли у причала в лапе. Камень под днищем удерживал порожнюю баржу; у полной его подъемной силы едва хватало, и оставшуюся нагрузку принимала лапа.

Лапа стояла в дальнем конце. Громадные захваты из темного кованого железа плотно охватывали борт баржи. С

внутренней стороны были кожаные накладки. Получалось похоже на человека с тяжелой бочкой: обе руки вокруг, лишь бы не выскользнула.

Из-под нее, из самой стенки причала, выходил низкий гудящий звук. Когда мы подошли ближе, Гнат кивнул на железный кожух в основании лапы, вделанный в камень.

— Консоль. Ты к ней не лезь, гильдейское это. Тронешь, потом не отмоешься.

Слово я уже знал от Игната: так звали узел, что держит лапу. Подходить я не стал, но смотреть мне никто не запрещал. Кожух был старый, с рунными вставками по краю, темными от окислов.

Гудение я узнал: так же низко и ровно гудел подъемник на Гряде. Здесь, однако, в ровном звуке возникали короткие провалы, на полвздоха, будто в мотор попадала вода. Гул проседал и возобновлялся, а люди на причале занимались своими делами. За ежедневной работой они, похоже, привыкли к этому звуку.

От баржи к кнехту на причале тянулась цепь со звеньями в мою ладонь. Она выходила из клюза в борту, провисала до досок и лежала у кнехта кольцами, без единого шлага вокруг тумбы. При работающей лапе доковые обходились без крепления. Цепь оставляли про запас, на время подхода и отхода буксира.

Баржа была полная. Темная тяжелая вода стояла под самые борта, по поверхности от гудения лапы шла мелкая рябь.

Человек семь на палубе качали насосы, гнали воду в желоба и перекрикивались с доковыми. Один стоял у самого борта со шлангом в руках.

Мы поставили блок. Гнат надел его на ось желоба, я подал клинья, он вбил, мы вместе пустили первую воду по желобу, проверяя блок под нагрузкой. Вода пошла ровно. Гнат вытер руки о штаны.

— Ось не бьет, клинья сели. Пойдет.

Слово он перенял у Урга. У Гната оно значило почти похвалу.

Гудение под лапой провалилось и не поднялось.

Понял я это раньше, чем увидел. Звук шел все утро и вдруг кончился, весь сразу. Стало тихо. Сразу послышался плеск воды в барже. Кто-то на палубе ругался на шланг.

Потом лапа дрогнула. Темное железо разжалось и пошло от борта в сторону, свободно, как пустая рука. Баржу больше ничто не держало. Она просела на ладонь, на две. Цепь у кнехта зашевелилась.

Цепь побежала.

Кольца у кнехта дернулись, встали и пошли в клюз одно за другим. Такого рева я не слышал со дня, когда на мостовом кране у нас оборвался трос. Баржа сползала бортом вдоль стенки, еще касаясь причала. Под уступом был воздух, между баржей и кнехтом оставалась одна цепь. Ее никто не закрепил: ведь до сих пор держала лапа.

Я кинулся к кнехту, едва успев сообразить, что еще можно

сделать. Возле него оставалась слабина. Последнее кольцо, не успевшее уйти в клюз, я подхватил и бросил на тумбу. Один раз вокруг. Цепь рванула за руки так, что я ударился грудью о кнехт, но кольцо село на чугун. Бег цепи на миг замедлился.

Второй раз вокруг. Цепь завизжала по тумбе, с чугуна полетела ржавая пыль, и сквозь рукавицу, ту самую, с заплаткой на разрезе, звенья пошли по ладони, как по терке. Третий раз.

Три шлага.

На заводе это знал каждый, кто хоть раз работал со шпилем или с канатом на барабане. Основную нагрузку принимает тумба благодаря трению. С каждым витком оно растет куда быстрее, чем вдвое. После третьего витка одному человеку хватает силы удержать свободный конец, хотя без витков тот же груз сорвал бы с ног десятерых.

Я помнил это еще с училища, а теперь впервые испытал на собственных руках. После третьего шлага цепь перестала рвать и потянула тяжело, ровно. Я удерживал баржу с водой и семью людьми на ней, сам оставаясь на причале.

— Гнат! Хвост! Навались!

Гнат уже был рядом. Он схватил цепь за мной, за свободный конец, и повис на ней всем весом. За ним наваливались доковые. Они бежали к кнехту со всего причала, бросив ведра и желоба. Цепь дымилась. От чугуна тумбы шел запах горелого железа и паленой кожи. Я не сразу сообразил, что ко-

жа моя.

Баржа не встала. Она продолжала сползать, но медленно, шлаг за шлагом, звено за звеном, с тем скрипом, с каким груз сходит по тормозу. Я травил ей цепь, насколько хватало рук, чтобы она не оборвалась от рывка.

Кормой баржа села на край четвертого причала и накренилась. Вся вода хлынула через борт, темным водопадом накрыв четвертый причал, пятый, шестой, все, что было под нами. Люди на нижних террасах заорали, закрывая головы: на них с неба обрушился дождь из целой баржи.

Семеро на палубе уцепились кто за что. Один повис на шланге. Доковые уже бежали вниз с сетями. Снизу ругались мокро и живо, а значит, никого не убило.

Пальцы я смог разогнуть только левой рукой, по одному, и стянул рукавицу. На правой ладони кожа была содрана полосой от мизинца до запястья, в том самом месте, где ее уже драл канат на «Седой Сети».левой досталось меньше: ею я держал свободный конец цепи.

Гнат сидел на досках, привалившись к кнехту, смотрел на цепь и головы не поднял.

— Три раза ты ее обмотал. Я думал, утащит тебя в клюз вместе с рукавицей. А она встала.

— На тумбе ее затормозило. Три витка легли, и я смог удержать хвост. Без них меня бы туда и утащило.

— А ты откуда про это знаешь? Я у Урга цепи таскаю давно, он их сроду так не клал.

— С канатами приходилось работать, еще до Урга. Тяжелый груз так и берут: обводишь канат вокруг барабана и держишь конец. Здесь с цепью вышло то же самое.

Он долго молчал, потом потер затылок ладонью, черной от цепи.

— Вот ведь, сколько тут цепей перетаскал, а этого не знал. — Гнат еще раз посмотрел на витки. — Сам руками держал, только тогда и поверил.

Гнат ничего нового не признавал, пока сам не услышит, что пила зазвучала иначе. Признать при мне, что чего-то не знал, стоило для него целой речи. Он поднялся, подошел к цепи, потрогал кольцо на тумбе, горячее, и отдернул руку.

Со второго раза я встал и пошел осматривать лапы. На водяном причале их было четыре, по одной на каждую баржу. Остальные три стояли пустые, с опущенным железом, и гудели. В основании первой находился старый кожух консоли с рунами по краю, такой же, как под заглохшей лапой. Здесь гул оставался ровным, без провалов.

Я снял с пояса ключ Мирона. Он дал мне его под слово; с тех пор этим ключом я делал половину работы. Теперь постучал им по кожуху.

Под ключом раздался звон.

Так звенит труба под напором. У второго кожуха звук оказался таким же. Третий стоял в ближнем конце причала, у лестницы; лапу над ним почему-то давно не занимали. Под ударом он звучал глухо, как труба, набитая илом. Гул шел с

теми же провалами, что я слышал утром под баржей. Я приложил ладонь к кожуху и почувствовал неровную дрожь. Рукой эти перебои различались еще лучше.

— Эта к вечеру встанет, — сказал я.

Сказал я это себе. Но причал был полон людей. Один из них стоял за моей спиной так близко, что я почувствовал его раньше, чем обернулся.

Передо мной стоял широкий человек с седой щетиной, в кожаном фартуке докового и с медной бляхой на поясе. Глядя на его лицо, я легко представлял, как он двадцать лет перекрикивал цепи. Сейчас он пристально смотрел на кожух.

— Что встанет к вечеру? Ты про какую?

— Про эту, у лестницы. Заглохнет. Послушайте, как она гудит: с провалами. Под баржей с утра гудело точно так же, а потом замолчало совсем.

Он прислушался, затем снял с пояса свой ключ, тяжелее моего, и сам стукнул по кожуху. Получился глухой звук. От соседнего кожуха раздался звон. Старшина медленно ударил по первому еще раз, проверяя разницу.

Он сунул ключ обратно за пояс.

— Тишко меня зовут. Старшиной тут служу, на третьем причале.

Говорил он так, будто цепь все еще гремела и ее надо было перекрикивать.

— Кир. С двора Урга, мы вашим доковым блок для желоба принесли.

— Знаю, что от Урга. Как ты цепь на кнехт клал, весь причал видел.

Он посмотрел на мои руки. Правую я держал ладонью вверх, потому что опускать ее было больно.

— Три шлага положил, один за другим. У нас я такого не видал. Кто тебя учил так цепь держать?

— Здесь никто не учил. Я знал, что так цепь на шпиле держат. Когда лапа отпустила, оставалось только цепь закрепить.

— У нас баржу лапой держат, до такого с цепью не доходило. — Тишко оглянулся на кнехт. — Я и сам на лапу полагался.

В голосе его было удивление. Тишко снова посмотрел на глухо звучащий кожух, потом на заглохшую консоль под пустой лапой в дальнем конце причала. Возле нее двое доковых стояли без дела, избегая прикасаться к железу. Я видел такую растерянность возле станка после несчастного случая. Здесь, к счастью, все остались живы.

Лапа висела раскрытая. Час назад это железо держало полную баржу так, что цепь при нем была лишней. Теперь оно не удержало бы и ведра. А в нем не изменилось ничего, ни одной трещины, ни одного сорванного болта. Железо оставалось целым. Перестало работать то, что под кожухом. Я не знал, что это. Я только слышал его гудение с провалами, прежде чем оно замолчало.

— Давно она так гудит? — Я кивнул на кожух у лестницы.

— Лапу над ней, я смотрю, давно не занимают.

Тишко пожал плечами.

— Сколько я тут старшиной, столько этот гул слышу. Привыкли к нему, по работе и слушать некогда. Гудит себе под лапой, да и гудит.

Сказал он это по привычке и сам себя на этом поймал. Посмотрел на кожих у лестницы еще раз, уже по-другому, и ничего не прибавил.

Гильдия пришла на причал через час.

На причал поднялись пятеро. Два мастера в серых плащах бережно несли кожаные сумки с инструментом, придерживая их на ходу. Рядом шли двое широких мужчин без плащей, с тупыми лицами. Дубинки у них висели за поясом на виду. Пятый держался впереди остальных.

Этот был среднего роста, сухой, гладко выбритый. Возраст по лицу определить было трудно. Серый плащ того же покроя, что у остальных, сидел на нем точно по фигуре, словно сшитый на заказ. Тонкие светлые перчатки оставались чистыми до неприличия на причале, где все, что можно было запачкать, уже запачкали.

Он остановился у мертвой лапы, посмотрел на цепь, на шлаг на кнехте, рыжие от сорванной ржавчины, на баржу внизу, на краю четвертого, и сказал негромко, не поворачивая головы.

— Кто трогал консоль?

Он спросил ровно и спокойно, без ругани и нажима, про-

изнеся все три слова на одном вдохе. Люди на причале притихли еще сильнее, чем при реве цепи.

Никто не ответил. Тишко стоял у кнехта и молчал. Доковые, что держали со мной цепь, смотрели в доски.

Мастер двумя пальцами подцепил перчатку за кончик и аккуратно снял. Затем приложил ладонь к кожуху заглохшей консоли, как ко лбу больного.

Он надел перчатку обратно, палец за пальцем.

— Износ. Старые узлы, они стояли здесь задолго до нас с вами и свое отработали. Гильдия поставит батарею.

Только тогда он оглядел людей: Тишко, доковых, Гната. На мне задержался, заметив содранную ладонь. Спрятать руку я не успел.

— Чей это мальчишка, позвольте узнать?

— Урга, с Ржавого Базара, — сказал кто-то из доковых.

— Подмастерье его.

— Мальчишка Урга струнил цепь на мертвом узле, — обратился мастер к Тишко, оставив меня стоять рядом. — От цепи рывок передался лапе, от лапы консоли. Узел был изношен и этой нагрузки уже не выдержал. Теперь он мертв, господа. Это порча.

«Порчу» он произнес так же ровно, как «износ». За его спиной стояли двое с дубинками, и смотреть на них было достаточно, чтобы понять, чем нам грозят.

Я открыл рот возразить и заставил себя промолчать.

Консоль умерла раньше, чем я тронул цепь. Гудение кон-

чилось, лапа отпустила, и только потом цепь пошла в клюз. И шла она от баржи к кнехту, мимо лапы, лапы она не касалась вовсе. Это знал я, это знал Гнат, это, наверное, знал Тишко. Он ведь слышал провалы в гудении кожуха.

Но стоял я на чужом причале, с содранными руками, без значка, без клейма, без права трогать гильдейское, а у человека в чистых перчатках было ровно столько слов, сколько нужно, чтобы любой из этих фактов перестал что-то значить.

Ург пришел раньше, чем я придумал первое слово.

Он поднялся по лестнице с четвертого, куда, видимо, сбежал весь Ржавый Базар смотреть на баржу, прошел через причал, не ускоряя шага, и встал между мной и серым плащом. В руке у него, как обычно, был молоток. Ург держал его свободно, никому им не угрожая.

Ург на меня не оглянулся.

— Ты моего ученика в порче обвиняешь. Я правильно тебя услышал?

Мастер был выше Урга и попробовал взглянуть на него свысока. Но, оглядев его широкие плечи, быстро отвел глаза. Ответа мы так и не услышали.

Ургу этого хватило.

— Ты видел кнехт и мальчишку. Ты не видел, как узел сдох. Баржу держал мой ученик, когда твоя консоль ее бросила. Если бы не он, у тебя на четвертом лежала бы баржа, семь человек и баронский иск, а ты бы стоял здесь и говорил «износ» над ними. Хочешь порчу, иди на верхнюю линию и

пиши. Здесь причал, а не Палата.

Слов пятьдесят, не меньше. У Урга такое сходило за речь на площади. Во дворе он орал на нас по десять раз на дню. Тут он не повысил голоса ни разу. По этому я и понял, насколько плохо дело. Потом он замолчал. Все, что собирался, он сказал, а прибавлять Ург не любил.

Мастер в перчатках ничего не ответил.

Мастер еще мгновение смотрел на Урга, затем повернулся и пошел вдоль причала к своим мастерам. Те уже раскладывали инструмент у заглухшей консоли. Оба человека с дубинками двинулись следом. На ходу он поднял правую руку поправить перчатку; та на секунду съехала, открыв большой палец.

Под ногтем у него было синее.

Мелкая синяя пыль, стеклянная на вид, была вбита под ноготь, как металл у токаря. Кожа вокруг оставалась обычного цвета, без синяка. Такую пыль никаким мылом не вымыть. Я пока не понимал, откуда она взялась, но запомнил. В чистых перчатках ее никто бы не увидел.

* * *

Третья консоль заглухла на закате.

Мы с Гнатом к тому времени давно ушли: Ург увел нас с причала, не оглянувшись. На чужой территории после такого разговора задерживаться не стоило.

Во дворе Нера посмотрела на мою ладонь и пошла за банкой.

— Держит, говорил. А я тебе в первый же вечер сказала, что рано радоваться. Ложку теперь в левую бери.

Змеиная мазь жгла так, что я на минуту забыл про Гильдию.

Вечером, когда фонари на уступах уже зажглись, с ведрами вернулся Лой. Его посылали за водой.

— На третьем гильдейские опять у лапы возятся! — крикнул он еще от ворот. — В очереди у лавки только про это и говорят. Про баржу, про цепь, кто ее держал...

— У какой лапы? Их там четыре.

— У той, что у лестницы, где пустая стоит. Говорят, сдохла. Сам я не видел, меня ж за водой посылали, а не глазеть.

Ург на мой взгляд не ответил. Он смотрел на жаровню.

Гнат не отрывался от трубы в тисках, только напильник у него пошел медленнее.

— Ты ведь утром сказал, что она к вечеру встанет.

— Сказал. Ошибся бы, было бы спокойнее.

— А старшина слышал. Теперь весь третий будет болтать, что мальчишка Урга знал раньше Гильдии.

Тряпка на ладони сбилась. Я поправил ее зубами, потому что вторая рука держала миску с крупой.

— Пусть болтают. Когда гильдейские в следующий раз скажут «износ», хоть кто-то вспомнит, что узел заранее было слышно.

— Гильдейские тоже вспомнят. — Гнат сдул опилки с трубы. — Только не про узел, а про тебя.

Он помолчал. Напильник пошел прежним ходом. Лой стоял с ведрами и ждал, что ему объяснят, а никто не объяснял. Он ушел ставить воду, обиженный на весь двор сразу.

Ург так ничего и не сказал. Единственный его глаз блестел в свете углей. Тот же взгляд был у него перед грязным резом, когда он решал, давать мне баллон или нет.

Ночью я лежал на доске в подсобке и сопоставлял все, что видел за эти дни.

Подъемник на Гряде расходовал батареи одну за другой, хотя его каменные направляющие были ровными и целыми. Ему не хватало питания. Консоль под баржей гудела с провалами и замолчала. Третья, у лестницы, гудела так же и замолчала тоже, ровно тогда, когда я сказал. Все три узла останавливались при целых наружных частях. Над каждым люди в серых плащах говорили «износ» и ставили батарею.

Удобное слово. Им можно закрыть любую поломку, не открывая кожуха.

На заводе, если три станка в одном пролете встают за неделю с одной и той же жалобой, прежде замены шестерен проверяют общее: подводящую трубу, питание, условия в самом пролете. Что связывало консоли третьего уступа с подъемником на Гряде, я пока не знал. На глаза попадались лишь гильдейские мастера в одинаковых серых плащах возле каждого из них. Но три случая уже стоило рассматривать вместе.

Наутро доковый с третьего уступа принес во двор свой ключ на ремонт. Пока я осматривал инструмент, он буднич-

но рассказывал о вчерашнем, словно речь шла о погоде.

— Вчера на закате гильдейский у той консоли стоял, у лестницы. При нем она и легла. А Тишко рядом был. Тишко ему вслух и говорит: эту, мол, мальчишка Урга еще днем назвал.

Он подождал, пока я подниму глаза.

— После слов Тишко он твоим именем поинтересовался. Спросил, как мальчишку зовут.

— Кто спросил? Тот, что у консоли стоял?

— Он самый, в чистых перчатках. Тишко твое имя назвал, скрывать не стал. Гильдейский кивнул и ушел, больше ничего не спросил.

Я зажал ключ в тисках: у него была согнута ось. Руки болели, правая ладонь под мазью и тряпкой горела, как будто я все еще держал цепь.

Мастер с синей пылью под ногтем знал теперь мое имя.

Имени его я пока не слышал. Зато уже понимал причину отказа консолей: с износом она не связана. Кажется, мастер догадался, что я успел это выяснить.

Глава 3

При мне доковые ни разу не назвали громилу у трапа по имени. Обходились и так.

Он стоял на верхней ступени лестницы, ведущей на пятый причал, широкий, в кожаной безрукавке, с дубинкой за поясом. По тупому, неподвижному лицу трудно было понять, о чем он думает. Мы с Лоем несли наверх перебранный Урго́м насос для шаланды у пятого. Насос был тяжелый, лестница длинная. Лой всю дорогу рассказывал про верхние уступы.

— Там воздух другой, — говорил он на каждой площадке. — Я туда однажды поднимусь. Со своим инструментом, а не с чужим насосом. Вот увидишь, Кир, со своим.

Громила выслушал его до конца: Лой договорил уже перед самым трапом. Затем коротко сообщил:

— Вольным мастерам на причал нельзя.

Лой открыл рот. Насос пришлось поставить на ступень.

Я придержал его коленом, чтобы не поехал вниз по лестнице.

— Насос заказан. Для шаланды «Ровная», хозяин Патер. Он его с утра ждет, без насоса шаланда не выйдет.

— Сказано вам, вольным на причал нельзя. И с насосом тоже.

— А насос ему кто понесет? — Лой уже держался за ручку так, будто громила собирался насос отнять.

Громила помедлил, глядя на насос. Лицо у него чуть оживилось, затем снова стало безучастным.

— Тут поставь, у лестницы. Кому надо, сами заберут.

Мы поставили насос у его ног. Я окликнул Патера вниз, на шаланде, и тот махнул с палубы: заберет. Лой собирался добавить что-то еще, но я взял его за локоть и повел вниз. На лестнице он высвободил руку.

— Так нельзя! Ург с нас шкуру снимет. Насос неделю работы стоит, неделю! А хозяин «Ровной», я сам видел, чуть не плакал от счастья, когда Ург за него взялся. И что теперь, он свой насос у громилы из-под ног забирать будет?

Слушал я молча. Лой был прав во всем. От этого не становилось ни на ступень легче. Мы шли вниз, а насос оставался наверху, у ног человека без имени. Кто его заберет, когда и за сколько, знали теперь только серые плащи.

За неделю после баржи это повторилось на всех причалах, где у двора Урга была работа.

После случая с баржей Гильдия постепенно заняла уступы. Прежде черные шнуры висели на трех причалах из семи, возле давно замолчавших консолей. Теперь шнуром перегородили и третий, у лапы, отпустившей баржу. Вслед за этим у трапов встали люди с дубинками, а по причалам прошли мастера в серых плащах с кожаными сумками.

От каждой лапы, от каждого желоба и цепи, хоть краем касавшейся консоли, вольных мастеров вежливо отводили за локоть. Драки не потребовалось. Объяснение у гильдейских

было готово: узел принадлежит им, лапа соединена с узлом, к лапе идет цепь, а цепь лежит на причале. Так право чинить на всем причале осталось у людей со значками. Остальные могли ставить свои насосы у ног громилы и ждать.

Ург ругался. Он ругался три дня подряд, с утра до вечера, на весь двор и не останавливаясь, так что к третьему дню Кош засыпал под эту ругань, как под грозу за стеной.

— Значок им подавай! — гремело от верстака. — Я ихним лапам цепи правил, когда ихние мастера еще под стол пешком ходили. А теперь мне на причал нельзя, потому что у меня на груди железки нет!

На четвертый день Ург перестал ругаться. Собрал бригаду у верстака, посмотрел на всех по очереди и сказал то, что в каждый плохой квартал говорил наш начальник цеха.

— Берем, что есть. Мимо ворот ничего не пропускать, хоть ржавый гвоздь несут. Двор стоять не будет.

Заказов было немного: кирки с рудных складов, блоки от желобов, к консолям не относившиеся. Приносили насосы с малых судов у нижних балок, куда Гильдия пока не добралась, и ржавые цепи. Доковые сдавали их на правку, чтобы потом сдать на лом. Двор работал, жаровня горела, но без причальной работы стало тихо, будто в мастерской, где сняли половину станков.

* * *

На четвертый день после нашей встречи с громилой во двор пришел Игнат за козлами.

Повязки с рук он уже снял. Ладони блестели новой розовой кожей, такой же, как у меня под тряпкой на правой. Он по-прежнему берег их и осторожничал, когда нужно было что-нибудь взять. Значок на связанной цепочке оставался у него на груди. Игнат дождался у ворот, пока Кош откроет. Ург вышел к нему сам, что делал редко.

Игнат кивнул ему вместо приветствия.

— Мне нужны козлы, мастер. Пара, и такие, чтобы не разъезжались под весом. И дверь, если найдется лишняя.

— А дверь тебе на что? Ворота нечем закрыть?

— На верстак. Положу ее на козлы, и будет на чем работать, пока не заведу лучше. А заведу, боюсь, не скоро.

Ург оглядел его розовые ладони и значок на связанной цепочке.

— Причалы, значит, закрыли? Быстро у них бумага ходит, быстрее «Шустрого».

— Все до единого. Шнур мне на ворота повесили. Я его сорвал, другого ответа у меня для них не нашлось.

Сказал он это тем же ровным голосом, что и про дверь.

— За то, что со «Шустрым» вышло, тебе причалы закрыли?

— За то, что стоял с грязью. Именно так и написали, этим словом все объяснили.

Ург хмыкнул. Слово «грязь» он слышал от Игната еще в трюме. Теперь оно вернулось к Игнату с верхней линии, уже написанное на бумаге. Игнат это, видимо, тоже понимал. Он

не улыбнулся.

Ург дал ему козлы и тяжелую дубовую дверь, снятую с какой-то кладовки, со следом от замка. Денег не взял, Игнат их не предлагал. Оба, судя по лицам, сочли это справедливым расчетом, хотя за что именно рассчитывались, я не понял. Затем Ург повернулся ко мне.

— Отнеси с ним. Одному ему не дотащить, а ты все равно без дела стоишь.

Двора Игната я до этого не видел и не знал, где он. Он оказался на нижнем уступе, в самом низу, где причалов уже не было, а были только балки для малых судов, лотки с жареной крупой и ряды лавок. Сверху на лавки стекала вода с желобов, так что под ногами здесь всегда стояла лужа.

Игнат шел впереди с дверью на плече, придерживая ее локтем, а не ладонью, я нес козлы. Дорога вниз заняла столько, что я успел пожалеть о каждой ступени на обратный путь.

Ворота собрали из двух листов разного железа, старого и поновее, неровно склепанных между собой. На правом листе, у самой петли, темнела свежая короткая полоса от привязанного, а потом сорванного шнура. Игнат толкнул ворота плечом. Двор за ними был вдвое меньше Ургова и пуст; только ветер гонял по земле стружку чужой работы.

Козлы мы поставили у стены, Игнат уложил на них дверь. Теперь у него был верстак. Он провел по дубовой поверхности ладонью с новой розовой кожей и, кажется, остался доволен: рука выдержала.

— Слышишь? Погоди, не шевелись, сейчас сам поймешь.

Я прислушался. Из-за ворот, мимо лужи, доносились крики с лотков. Под ними различался другой звук: внизу, под утоптанной землей и досками в углу у верстака, ровно текла вода. Так негромко шумит труба за стеной цеха. Отдельных капель я не слышал.

— Вода. Под тобой целая речка, Игнат.

— Хозяин говорит, старая галерея под уступами. Все, что сверху стекает, сходится сюда. Он подал это как главное достоинство двора.

— Глубоко там? Сам спускался или хозяину на слово веришь?

— Сам еще не спускался, с такими руками по люкам полазишь. Вон он, в углу. Пока приходится верить хозяину.

В углу был квадратный дощатый люк с кольцом и грязью по краям. Из щелей тянуло сыростью и старым кирпичом. Присмотревшись, я заметил следы прежней работы во дворе: у стены темнела копоть от жаровни, в земле остались ямы от столбов навеса. Возле люка из стены торчали два кованых крюка. Когда-то на них что-то подвешивали над самой водой.

Ворота висели криво, правый лист на палец выше левого. Переставить нижнюю петлю, и створки закрывались бы легко, без ударов плечом. Я уже прикидывал, как взяться, но удержался: двор принадлежал Игнату. Люк тоже оставил в покое. Хозяин, судя по голосу, пока собирался обходиться

без него.

Я отвел глаза от петель.

— Что здесь чинить собираешься? За консоли возьмешься или пока за работу попроще?

— Буду брать то, с чем придут. Консоли гильдейские, ко мне их никто не понесет. Придется устраиваться с тем, что достанется.

Он спокойно перечислял доступную работу. Я привык так же обозначать на чертеже границу детали перед резкой: сразу видно, до какого места можно дойти.

— Ург тебя у себя оставил?

— Держит. Койка та же, работа найдется, хоть и без причалов.

— Ну и хорошо, что оставил. У него ты при деле, а мне пока даже предложить тебе нечего.

Он оглядел верстак из двери, козлы под ним, люк в углу. В пустом дворе слышался только шум воды под полом.

— Верстак теперь есть. С водой под полом тоже повезло. На этом мое богатство кончается, Кир. Больше ничего не обещаю, — повторил он свою оговорку, уже второй раз за месяц.

— Я помню. Ты и в первый раз ничего не обещал, а двор вот он.

Обратно я шел без козел. Лестницы оказались длиннее, чем я их помнил.

* * *

Мастер в сером плаще пришел во двор Урга в полдень, когда я шабрил направляющую.

Длинная чугунная направляющая от трубореза Урга служила опорой каретке с резцом. За последние недели ее было на волос. На этом месте каретка закусывала, рез уходил в сторону, и Гнат ругался всякий раз, когда брался за труборез. Ург дал мне шабер, плиту и велел не возвращаться, пока каретка не пойдет по всей длине как по маслу.

Шабрение я любил еще на заводе. Результат тут сразу виден по краске. Плиту мажешь тонко, на просвет; у Урга краской служила сажа на масле. Кладешь направляющую, притираешь и снимаешь. Высокие места окрашиваются, по ним проходишь шабером и снова прикладываешь к плите. Проверяешь, снимаешь очередной бугорок, проверяешь заново. Спрятать плохую работу при такой проверке невозможно.

Правая ладонь под рукоятью тянула, новая кожа на ней была тонкая, не толще, чем у Игната. Пальцы гнулись уже все, но держали хуже левой. Я подкладывал под рукоять тряпку. Со стороны это похоже на то, что человек весь день гладит железо тупым ножом, а руками чувствуешь каждый снятый бугорок, потом проверяешь по краске и всякий раз находишь место, где немного ошибся.

Голос я услышал раньше, чем шаги.

— Хорошая работа. Шабрить на просвет в этом порту умеют немногие.

Он стоял у ворот. Кош открыл их ему. Кош был един-

ственным, кому можно было простить такую ошибку, потому что Кош открывал ворота всем, кто стучал, а стучал этот человек, видимо, вежливо.

На нем были все тот же серый плащ и чистые перчатки. По гладкому лицу я опять не смог определить возраст. Пришел он один. Без четверых спутников его появление встревожило нас еще сильнее; во дворе сразу стихли.

Ург вышел из подсобки и молча встал у верстака с молотком в руке. Гнат остановил пилу. Нера у жаровни продолжала смотреть на работу, но замерла со щитом в руках.

Мастер подошел к плите и остановился в шаге от нее. С этого расстояния он мог разглядеть пятна краски на чугуне.

— Направляющая от трубореза, выбита на волос. Каретка на ней закусывала, и рез уходил в сторону.

Он уверенно назвал причину, тем же голосом, каким объявил «износ» у заглохшей консоли. Здесь он был прав. Направляющую от трубореза отличит не всякий, а такую малую выработку заметит человек, который сам работал у плиты с шабером. При всей чистоте его перчаток опыт у него был настоящий. Я вспомнил синюю пыль под ногтем, однако рассматривать его пальцы не стал.

Он перевел взгляд с плиты на меня.

— На Гряде мне написали. Мальчишка Урга лез к зажиму батареи, когда ее ставили в подъемник.

Шабер в моей руке не дрогнул. Это стоило усилия. Мастер дождался, пока я доведу шабер до края плиты.

— И зажим, полагаю, тянули не тем краем?

Вывод о затяжке он, должно быть, сделал сам, узнав из письма про перекос. На Гряде этого так и не поняли бы. Опытному мастеру следа на детали достаточно, чтобы найти причину.

— Сначала взялись за винт без упора. Край батареи сразу поднялся, я им показал.

— С таким умением тебе пора носить значок. Гильдия берет учеников твоих лет. Работу ты уже знаешь, осталось найти ей достойное место.

Он говорил ровно и спокойно, сохраняя серьезное лицо. Я слышал деловое предложение и понимал: повторять его человек в чистых перчатках не станет.

Со значком я получил бы доступ ко всем семи причалам, к консолям, лапам, цепям и желобам. Мы с Лоем сами донесли бы насос хозяину, миновав громилу. Поднимайся на любой уступ, запрет для вольных тебя больше не касается. И все же у заглохшей консоли от меня ждали бы такого же жеста ладонью по кожуху и такого же слова: «износ».

Когда-то на заводе мне тоже предлагали перейти в контору. Сидеть в тепле, подписывать наряды, ходить по цеху с папкой и говорить людям, что они сделали не так. Отказался я тогда по простой причине: с папкой в руках быстро отвыкаешь чувствовать волос на направляющей. Мне это умение было дороже теплого места в конторе, и своим отказом я особенно не гордился.

— Я у Урга работаю. Вот этой направляющей еще заниматься и заниматься, — я оставил шабер на чугуने. — Руки у меня заняты.

Я ответил так же ровно, как он спрашивал. Мастер посмотрел на мои руки, на шабер, на краску на пальцах. Впервые за все наши встречи он улыбнулся, едва заметно, краем рта. При такой сдержанной улыбке перчатки казались еще безупречнее.

— Что ж. Хорошо, когда руки заняты делом.

Он кивнул Ургу и направился к воротам. Кош выпустил его и закрыл створки. Еще мгновение все молчали; затем Гнат снова взялся за пилу, Нера повернула щит. Лой, все это время просидевший в углу с ведром, наконец выдохнул. Так громко, что Кош вздрогнул.

Ург подошел к плите и рассмотрел пятна краски.

— Этот не забудет. Он твой отказ в папку подошьет и на каждом причале ее раскроет.

— Я знаю. Ему про меня даже с Гряды пишут.

— Раз знаешь, шабри. Каретка сама не пойдет, хоть ты тут до ночи гильдейских поминай.

Шабер пошел по чугуну. Под лезвием снимался тонкий слой, и по свежим пятнам краски я видел, где еще немного ошибся. Это успокаивало лучше, чем любой разговор.

* * *

Консоли гильдейские мастера будили руной. Так говорили доковые.

Видел я это один раз, издали, с четвертого нижнего, куда Ург послал меня к шаланде за старым насосом. На четвертом шнур не было и громилы у трапа тоже. Там стоял «Шустрый». Гильдия, видимо, считала, что курьер без груза никому не нужен.

На третьем, над нами, у лапы, бросившей баржу, стояли двое в серых плащах. Один держал открытую сумку. Другой стоял на коленях у кожуха, с рукой внутри, и что-то делал там, долго, с тем сосредоточенным лицом, какое бывает у человека, нащупывающего в темноте нужную гайку.

Наконец он вынул руку. Под кожухом появился ровный гул без провалов, такой же, как на Гряде после установки батареи. Самой работы я с четвертого причала не видел, да и вряд ли сумел бы разобраться, заглянув внутрь. По движениям мастер напоминал человека, заводящего остановившиеся часы.

Старой детали он наружу не вынул, за новой к сумке не потянулся. Судя по движению плеча, повернул что-то внутри, хорошо зная, за что браться. Консоль заработала. Похоже, он знал и то, на сколько хватит такого завода. Доковые закричали от радости. Мастера собрали сумку и ушли к следующей консоли.

Через неделю консоль под лапой снова затихла. Гул прекратился так же тихо, как в первый раз; видимых повреждений я по-прежнему не заметил. На этот раз лапа была пустой. Впрочем, после падения баржи никто больше не ставил сюда

суда без трех шлагов на кнехте. Тишко следил за этим, его окрики доносились до лестницы.

— Три шлага! Кто без трех шлагов баржу в лапу заведет, тот у меня сам под ней ночевать будет!

В его крике три шлага звучали как молитва, которую он выучил с одного раза.

Мастера в серых плащах вернулись и снова запустили консоль. Через неделю она опять остановилась.

Тогда на третьем появились ящики. Длинные, узкие, из темного дерева, с медными углами. Их несли по двое, с той осторожностью, с какой на Гряде вынимали из клетки батареи. Несли их к консолям, к трем сразу.

Мастер в чистых перчатках стоял на причале и смотрел. Когда Тишко подошел к нему, я с четвертого слышал каждое слово, потому что говорил мастер ровно, но причал был тих.

— Старшина, Гильдия осмотрела узлы под вашими лапами. Они старые, причина остановок в износе. Будем ставить батареи.

Тишко ответил, стоя ко мне спиной. Голос у него был такой, что я расслышал каждое слово.

— И надолго ваших ящиков хватит, мастер? Говорите как есть, мне людей на лапу ставить.

— На месяц, старшина. Потом привезут новые. Гильдия не оставит причалы без хода.

Тишко отошел, носильщики понесли ящики к кожухам. Один прошел совсем рядом с лестницей, по которой я спус-

кался. На медной окантовке, как раз там, где за угол берутся руками, блестела мелкая синяя пыль, стеклянная на вид. Такую я заметил у мастера под ногтем. В медь она въелась крепко; так забиваются углы ящиков, если годами носить в них одно и то же.

На четвертый меня в тот день снова послали к шаланде, теперь с цепью. Обратно я нес ее старый насос: Ург брал его в перебор. Насос был тяжелый. Думать с тяжелым насосом в руках удобнее, чем без него, потому что ноги заняты и голова свободна.

Батареи носили в ящиках, на ящиках оставалась синяя пыль. Та же пыль была под ногтем у человека в чистых перчатках. Значит, он брал батареи голыми руками и делал это часто. После остановки консоли говорил «износ» и предлагал замену. По его словам, батареи хватит на месяц. Потом весь запас израсходуется, как на Гряде, и он поставит следующую.

Он понимал, что дело тут вовсе не в износе. Эта мысль пришла ко мне на лестнице, и я чуть не оступился с насосом в руках. Мастер, с первого взгляда опознавший направляющую трубореза, должен был расслышать и провалы в гудении. Объяснять их он не собирался. Произносил «износ» и приносил батареи, которые у него всегда находились.

* * *

Пояс я сделал из ремня, снятого с причального механизма.

Когда серые плащи прошли по причалам, во двор Урга потянулось снятое. Доковые сдавали на лом все, что Гильдия вынула из-под лап и бросила на причалах негодным. Ург брал. Железо есть железо. В плохом квартале двор живет на том, что принесли.

Среди ржавых тяг, сорванных штырей и погнутых хомутов попался вал со шкивом от ручного подъема лапы, запасного, на случай, когда консоль встанет. На шкиве остался кожанный приводной ремень. Значит, консоли вставляли и раньше. Кто-то это предусмотрел.

Ремень был толстый, из кожи какой-то небесной твари. За годы под лапой он впитал столько масла, что не гнил. Латунные скобы на сшивке были целы.

Ремень я снял со шкива и обрезал по себе. Промасленная кожа не брала шило, пришлось греть его на жаровне и колоть по горячему, а дратву Нера дала свою, смоленую.

Пряжку я сделал из латунной скобы, развальцевав ее на оправке, а из обрезка той же скобы выгнул язычок. Пояс вышел широкий, тяжелый, с латунью. На нем помещались сумка с инструментом, ключ Мирона и рукавицы. Впервые за все время здесь у меня был собственный ремень, сделанный под себя.

Нера посмотрела на пояс.

— Вылитый доковый, который решил податься в пираты. Серьгу в ухо, и хоть сейчас баржи грабить.

— А мне такой? — Лой потрогал латунь пальцем. — Я

себе тоже сделаю, только пряжку двойную. Двойная крепче, это все знают.

Ург даже не поднял головы от верстака.

— Этот ремень из-под лапы. Кто лапу держал, тому и носить, — сказал Ург, продолжая работу.

Больше он ничего не сказал, но я понял, что пояс принят.

На третий день с поясом Ург подозвал меня к верстаку и положил на доску сточенную втулку.

— Нужна такая латунная втулка. Сходи на Базар к скупщику с весами, у него бывают. Да гляди, чтоб не обвесил.

— Какого размера? Вала-то я не видел.

— По этой и смотри, в меньшую сторону не бери. Больше можно, лишнее сточишь, а недостачу не нарастишь.

Он сунул мне в руку медяки, ровно столько, сколько стояла втулка у человека, с которым Ург торговался много лет. С ними я и пошел.

Ржавый Базар к вечеру гудел. Лязг ставен, мокрый дым от жаровен, поденщики у досок с красными нитками, запах кислого травления из подвалов. Лавка скупщика стояла в глубине, под навесом, среди куч снятых труб, обрывков цепей и треснувших оправ. Перед ней на двух бревнах стояли весы. Большие, с коромыслом в мой рост, с медными чашами для всего, что приносили на лом. Коромысло стояло не по уровню даже пустое.

Сам скупщик, тощий человек с лицом, которое, кажется, никогда не удивлялось цене, сидел на табурете за весами и

курил трубку.

Перед ним, по другую сторону чаш, стоял старик. Сгорбленный, в куртке из сшитых кож, с широким ремнем на тяжелой пряжке, он кашлял в кулак, долго, с хрипом. После кашля он вытирал кулак о куртку. Скупщик ждал, когда он докашляет. Так ждут, когда знают, что торговаться с кашляющим легче.

На одной чаше лежал мешок.

Мешок был грязный, с мокрым дном, перевязанный бечевкой. Бечевка лопнула, и на чашу высыпались куски латуни: трубки, что-то вроде пластин. Из разорванной горловины торчала круглая голова величиной с кулак, с пластинчатыми щеками и двумя неподвижными глазами.

Стеклянные глаза были разного цвета: зеленый с трещиной и желтый. Голова лежала лицом к небу над Базаром, в стекле отражался фонарь.

Медяки так и остались у меня в кулаке.

Я пришел всего лишь за втулкой. Пора было отмерить нужную, расплатиться и уйти, но теперь разглядывал голову на весах. Ее стеклянные глаза словно встретились с моими. На шее я с трех шагов различил шарниры.

Таких шарниров на лом не сдают.

Глава 4

Весы показывали неверно. Я заметил перекося с трех шагов, пока стоял с медяками в кулаке.

Скупщик снял мешок с чаши и заново завязал горловину, чтобы латунь не сыпалась. Голова с пластинчатыми щеками скрылась внутри. Вернув мешок на весы, он стал класть на другую чашу тяжелые гири с клеймами. Коромысло качнулось вниз, вверх, замерло. Скупщик убрал одну гирю, дождался равновесия и назвал старику цифру.

Старик долго разглядывал стрелку. Проверить цифру он не мог и, похоже, не решался ей поверить. Потом вытер рот тыльной стороной ладони, посмотрел, сколько на ней крови, и промолчал.

Коромысло погнулось примерно на полпальца в том месте, где садилось на ножи. Одно плечо оказалось короче другого. На заводской приемке такие весы отвергли бы в первый же день: на них нельзя было принять ни одной плавки. Здесь ими взвешивали латунь человека, который кашлял кровью.

Подойдя, я разглядел старика: куртка из сшитых кож, широкий ремень на тяжелой пряжке, веревочные рубцы на ладонях. Такие остаются у людей, годами поднимающихся по канату на руках. Под ногтями белела сухая соль. Позже я узнаю такую же на лапах твари из мешка. Сыростью от старика пахло иначе, чем в порту, кисло. Этот запах я тоже за-

помнил, еще не понимая зачем.

— Втулка нужна латунная, вот такая, — сказал я и положил на прилавок сточенную. — Не меньше этой. Ург прислал, говорит, у вас такие бывают.

Скупщик оглядел втулку, меня и медяки в моей руке. Достал из-под прилавка ящик, порылся и выложил подходящую втулку, чуть больше образца. Лишнее можно сточить. Я отсчитал медяки на прилавок; он забрал их без проверки. С Ургом он торговался много лет и хорошо знал, сколько тот дает.

Уходить я не стал.

— Весы у вас гнутые. Коромысло на полпальца повело.

Скупщик вынул трубку изо рта.

— Втулку ты купил, ее и неси. А весы мои.

Он обвел трубкой прилавок и чаши весов, затем показал на остальную лавку. Всем этим распоряжался он.

— Когда принимаете, перекос вам на руку. А литейщику вы на этих же весах сдаете? Или на других?

Он не ответил сразу. Трубка вернулась в рот. Он посмотрел на коромысло, как на жену, про которую сосед сказал что-то неприятное и, возможно, правдивое.

— На этих, на каких же еще. Других не держу.

— Тогда литейщик у вас каждый мешок на полпальца коромысла забирает даром. Старику недодали, а ему передали. Так на так по весу. Только берете вы дешево, а сдаете дорого, вот и выходит вам хуже.

Старик повернулся ко мне всем телом, медленно и осторожно. Шея у него, похоже, отдельно уже не поворачивалась.

Скупщик долго молчал. Потом вынул трубку и ткнул ею в коромысло.

— Возьмешься коромысло выправить? Даром не прошу, сочтемся.

— Инструмент какой есть? Без плиты я его только хуже согну.

— Молоток есть, плита тоже найдется. Больше не проси, у меня лавка, а не кузня.

Он ткнул трубкой в угол, где у стены лежала плита.

— Хватит. Тут больше ничего и не нужно, кроме терпения.

Скупщик сам снял коромысло с ножей, придерживая двумя руками, и бережно уложил на плиту у стены, словно горячий котел. Старик остался ждать. Мешок лежал на чаше; сквозь кое-как завязанную горловину снова высунулась голова. Скупщик торопился с узлом, содержимое мешка его не занимало.

Править коромысло пришлось долго. Чтобы выпрямить гнутое железо, вместо одного сильного удара наносят десяток легких. После каждого прикладывают к плите, смотрят на просвет, затем бьют снова. Плита у скупщика была с выбоиной, но ровный край на ней нашелся.

Ладонь под тряпкой ныла от молотка. Правая кисть еще не разгибалась до конца и молоток держала плохо. Я взял его

левой, что на заводе стоило бы мне пары шуток от бригадира, а здесь никто не смотрел на мою левую руку, потому что все смотрели на коромысло.

Потом я занялся ножами. Призму под коромыслом когда-то сбили ударом вбок, и в гнезде она стояла криво. Я выбил ее, очистил посадку от окалины и установил по центру, проверив линейкой от обоих концов. Вернул на место коромысло и повесил пустые чаши.

Коромысло легло ровно.

Скупщик перестал курить, однако хвалить меня не соби-
рался. Я и не ждал. Выбрал из его набора две одинаковые гири с одним клеймом и положил по одной на каждую чашу. Коромысло остановилось. Тогда я снял гири, поменял их местами и снова проверил положение: оно осталось прежним.

Скупщик подался к чашам.

— Это ты что сейчас делал?

— Поменял гири местами. При равных плечах чаши и так и так стоят одинаково. А при перекосе одна сторона ушла бы ниже.

Он оглядел гири, коромысло, затем посмотрел на меня. Впервые на его лице появилось хоть какое-то выражение. Вернув мешок на чашу, скупщик стал добавлять гири. Для равновесия понадобилась еще одна сверх тех, что он клал в первый раз.

Старик смотрел на стрелку.

— Полпальца, выходит. Ладно, что весы показали, то и

плачу, — сказал скупщик и отсчитал старику монеты. Больше, чем называл.

Старик забрал монеты и пересчитал их. Снова вытер рот, посмотрел на ладонь: крови стало больше. Поблагодарить нас он, видно, не собирался. Сунул деньги за пазуху и уже хотел уйти, но между ним и латунию стоял я.

Скупщик постучал трубкой по прилавку.

— Работа есть работа. Что берешь? Говори, только по со-
вести.

За втулку я уже расплатился. Теперь скупщик должен был вознаградить меня за коромысло. Мы оба это понимали, и он ждал цены, которую потом сможет сбавить вдвое.

На мешок я показал сразу.

— Вот это возьму. То, что из мешка выглядывает.

Скупщик посмотрел на мешок с торчащей из горловины головой, затем перевел взгляд на старика.

— Это лом. Старик его на переплавку сдал, на вес, и цену свою уже получил.

— Лом и беру. Только не весь, мне одна вот эта нужна, целая. Остальное ваше, сдавайте литейщику.

— И все? За коромысло ты у меня одну железку из лома просишь?

— И лупу, с хорошим стеклом. Без нее клейма на чужой латуни не прочтешь, а вы латунь принимаете каждый день.

Скупщик засмеялся коротко, одним выдохом через трубку. Смех его означал, что он ждал торга, а торга не вышло,

потому что мальчишка попросил хлам и стекло вместо серебра. Он полез под прилавок, достал лупу в латунной оправе с ручкой, протер о рукав и положил на прилавок.

— Стекло махинское, отдавал я за него не медяками. Не разбей.

Лупа ушла в сумку. Потом я подошел к весам и взял латунную тварь за туловище, обеими руками, потому что одной она не бралась.

Она весила как хороший разводной ключ, пожалуй, даже больше. Сквозь пальцы ощущался холод металла. Туловище состояло из сегментов, шесть лап были поджаты к брюху, на голове торчали два усика. Один оказался короче, с обломанным кончиком. Сложенные пластины на спине напоминали крылья жука.

В каждом шарнире, на каждой лапе белела сухая соль. Я повернул лапу: сустав под коркой двигался туго, но ровно, без люфта и закусывания. В шарнирах ручной сборки я такой точности не встречал. Вблизи вещь удивляла еще больше. Я не нашел на ней ни винта, ни заклепки; сегменты входили друг в друга так, будто их отливали вместе.

Таких шарниров на лом не сдают.

Старик стоял рядом.

— Ты ее не трогай, слышишь?

Он говорил слабо, прерываясь на кашель. Я продолжал держать тварь. Старик посмотрел на нее, на стеклянные глаза, затем на мешок. Выражение его лица изменилось.

— Хотя бери, забирай ее себе. — Он переждал кашель.
— Она ведь на меня смотрела. Вот так, прямо смотрела.

Он вытер рот и пошел. Сгорбленный на правую сторону, придерживая ремень с тяжелой пряжкой, он прошел, кашляя, между кучами труб и быстро скрылся в толпе Базара. Так быстро старики ходят, только когда есть куда торопиться.

Я завернул тварь в тряпку скупщика и сунул под рубаху, за пояс, рядом с цилиндром. Широкий ремень из-под лапы выдерживал тяжесть, не проседая. Втулку убрал в карман. Скупщик уже разглядывал свои выправленные весы. Кажется, вспоминал расчеты с литейщиком.

* * *

Людей в кожаных безрукавках я увидел только потому, что обернулся на лестнице.

Лестница поднималась с Базара к водяным лавкам. Домой, во двор Урга, было всего два шага через рынок, однако сначала мне хотелось самому рассмотреть тварь. При Урге такой осмотр наверняка сопровождался бы его замечаниями. Я выбрал лавки наверху, где ярче горели фонари. На половине лестницы оглянулся проверить, не идет ли дождь с желобов.

У лавки скупщика стояли двое.

Широкие мужчины без плащей, в кожаных безрукавках. Таких я видел на причале за спиной у мастера в перчатках. Один расспрашивал скупщика. Тот, продолжая сидеть, по-

казал трубкой вверх, на лестницу, прямо на меня.

Двое повернули головы.

Я медлил, еще надеясь, что дело в купленной втулке. Стоило броситься бежать, и стало бы ясно: мне есть чего опасаться. Но оба уже направились к лестнице, уверенно, глядя на меня. Скорее всего, они спрашивали про стариков мешок и узнали, кто унес его содержимое.

Тогда я побежал. Вверх, потому что вниз было к ним.

— Стой! — рывкнули снизу. — Стой, мальчишка, хуже будет!

Лестница вывела на узкую улицу водяных лавок. Под ногами стояла вода, над головой гудели желоба. Между людьми с ведрами теснились телеги и бочки. Я бежал легко, без одышки, перепрыгивая лужи, которые в прежнем теле обошел бы шагом.

Впервые за много дней я был этому телу благодарен без оговорок. Между людьми и бочками я протискивался, а за спиной, через десять шагов, протискивались двое. У них это получалось хуже, потому что они были шире, но настойчивее.

По дороге я понял, что к Ургу сворачивать нельзя. Неприятная мысль, настолько же ясная, как перекосившийся клин. Преследователи знали, чей я ученик. Приведу их во двор, и обвинение в порче достанется уже мастеру. Гильдейским достаточно сказать, что я украл латунь с весов. О плате за работу мог подтвердить скупщик, а он только что указал им

на меня.

Улица кончилась площадкой подъема.

Между уступом водяных лавок и Базаром ходил грузовой подъем. Я видел такие с «Шустрого» при заходе в порт, а потом снизу, по пути с Гнатом на водяной причал. Деревянная платформа величиной с кузов телеги помещалась в деревянной раме. Два каната проходили через блоки на верхней балке и спускались к противовесу. Каменная глыба в рост человека висела сбоку, в отдельной клетке.

Третий канат, более тонкий, служил для торможения и шел к барабану с рукоятью. Железная собачка удерживала барабан от раскручивания. Рядом сидел бородатый хозяин подъема, только что принявший на платформу бочки с водой для нижних цистерн.

Платформа стояла на верхней площадке. Бочек на ней было с десятков.

Лестница с другой стороны рамы шла дальше вверх. На платформу я вскочил, чтобы добраться до нее через бочки; спускаться к Базару я не собирался. На бегу эта мысль казалась мне хорошей.

Двое вскочили следом.

Платформа качнулась.

— Куда лезете?! — заорал хозяин. — Бочки мне побьете, ироды!

Бочки стояли плотно. Перейти через них оказалось сложнее, чем прикидывалось с земли. Пока я лез, первый из дво-

их поймал меня за куртку.

Куртка была старая. Портовая заплатка на ней держалась лучше, чем ткань вокруг. Ткань поехала, я вывернулся из куртки, оставив ее в чужой руке вместе с рукавом. Тварь под рубахой стукнула по ребрам. Через последнюю бочку я перевалился, прыгнул на площадку с другой стороны рамы. Двое, ругаясь, полезли за мной через бочки.

Тогда я посмотрел на барабан.

Собачка стояла в зубе. Хозяин сидел рядом, держась за рукоять, и орал. Тормозной канат шел с барабана не прямо, а через чугунную тумбу у рамы. На тумбе лежали три шлага. Хозяин за полвека научился не доверять ничему, кроме трения. Собачка держала барабан, а платформу держала тумба. Если освободить барабан от собачки, хозяин сможет удерживать его рукоятью: большую часть тяги примет трение на тумбе. Платформа, с десятью бочками и двумя широкими людьми на ней, висела на этом канате и на противовесе, а противовес был легче. Тормозной канат звенел от барабана, как струна, а канаты противовеса только гудели.

Собачку я выбил ногой, с размаху, по железу. Она вылетела из зуба, барабан пошел. Хозяин обеими руками навалился на рукоять, сдерживая ход, и заорал еще громче.

Канат медленно скользил по тумбе, со скрипом проходя по трем шлагам. Барабан под нагрузкой отдавал виток за витком, без рывка. Платформа стала плавно опускаться вместе с десятью бочками и двумя людьми. Те вцепились в бочки

и смотрели, как верхняя площадка все дальше от них. Они торжественно ехали к Базару на виду у всей улицы: возле рамы уже собрались люди из водяных лавок.

Противовес пошел вверх.

Каменная глыба в клетке поднималась к верхней балке, натягивая канаты. Я сразу прыгнул на ближний. Толстый, в два пальца, он шел вверх, как раз туда, куда мне нужно было попасть. Раздумывать больше было некогда.

Я ухватился обеими руками: правой через тряпку, левой прямо за пеньку. Канат потянул меня вдоль рамы, выше площадки, к блоку на балке. Там до защемленных пальцев оставалось совсем немного, а запасных рук у меня не было. Я перехватился, уперся ногами в раму и перевалился на балку раньше, чем противовес дошел доверху.

Ширины балки хватало, чтобы встать и шагнуть с нее на крышу водяной лавки. Я перебрался туда, не оглядываясь, и лег за желоб. Хозяин подъема продолжал орать, теперь уже на двоих в безрукавках. Они спускались с его бочками и, судя по его голосу, уже пытались за это заплатить.

* * *

Ладони горели.

На крыше водяной лавки, под желобом, я сидел и смотрел на руки. Левая была стерта пенькой до красного. Правая, под сбившейся тряпкой, кровила там, где цепь содрала ее три недели назад и где молодая кожа теперь лопнула от пеньки. Змеиная мазь Неры смешалась с пеньковой пылью в серую

кашу. Куртка осталась внизу, в чужой руке. Без куртки на крыше было холодно. Ветер с уступов тянул так, что рубаха прилипала к спине.

Внизу, у лавки скупщика, стоял еще один человек.

Я разглядел его с крыши, через уступ, и сразу понял, что запомню среди тысячи. Седой, прямой, легкий, в сером плаще иного покроя, чем у гильдейских. Он расспрашивал скупщика и выслушивал ответы. Когда тот договорил, седой чуть наклонил голову набок, прислушиваясь, словно ждал еще одного удара колокола.

Скупщик ткнул трубкой вверх.

Седой спокойно поднял голову и осмотрел уступы, лестницы, крыши. Я распластался за желобом и лежал, чувствуя удары сердца о доски, пока они не стали тише. Когда решился выглянуть, у лавки его уже не было. На верхней лестнице я его тоже не увидел. Человек куда-то ушел, а я пропустил этот момент. При всей его неторопливости исчезнуть он сумел незаметно.

Во двор Урга я спустился в темноте, с другой стороны, по лестнице, которой пользовались только водоносы. Ворота открыл Кош. Он посмотрел на меня без куртки, со стертыми руками, с тряпкой, сбившейся на запястье. Потом ушел в глубину двора. Через минуту оттуда вышел Ург.

Он посмотрел на меня.

— Что принес?

Втулку я вынул из кармана и положил ему в ладонь. Он

взвесил ее не глядя и ждал. Сверток в тряпке я вытащил из-под рубахи.

— Втулку купил, как вы велели. А этот хлам взял у скупщика за работу, весы ему правил.

— Хлам сдают на лом, к тому же скупщику. Хлам в дом не носят.

— Я ее рассматривал. Там шарниры целые, работа такая, что в переплавку отдавать жалко. Вот и принес.

Он ждал. Я добавил то, что должен был сказать первым.

— За мной ходили двое, от самых весов. Те, что у трапов стоят.

Ург помолчал.

— Сюда дошли? Мне Коша к воротам ставить?

— Нет. Я кругом шел, по лестнице водоносов. За мной никого не было.

— Раз сюда не привел, иди спать. С тебя на сегодня довольно.

Сверток Ург разворачивать не стал. Осмотрел мои стертые руки, сбившуюся тряпку, рубаху без куртки. По его взгляду было видно, сколько вопросов он сдержал. Затем он повернулся и ушел в подсобку. Рассказывать предстояло мне самому, когда смогу; до тех пор Ург вел себя так, будто во дворе ничего не случилось.

Нера дала мне старую куртку Гната. Я утонул в ней до колен.

Пальцы из рукавов не показывались.

— Рукава подверни. Еще не хватало, чтоб ты об них мазь вытер.

Когда я справился с рукавами, она размотала тряпку на правой и посмотрела, что под ней.

— Еще рано радоваться. Только кожа затянулась, а ты ее опять сорвал, — проговорила Нера, рассматривая ладонь. Голос у нее был такой, что радоваться вообще расхотелось.

Мазь она положила заново, толсто, и замотала обе руки.

— Куда тебя носило? Кто это тебя так? А куртка где? — Лой хотел знать все и сразу.

Гнат поймал его за плечо.

— Завтра узнаешь. А полезешь к нему сейчас, Ург услышит. Тогда про себя столько нового выслушаешь, что и спрашивать расхочется.

Лой ушел обиженным во второй раз за неделю. Кош принес воды и стоял с ведром, пока я не выпил половину. Только тогда он ушел.

В оставленной куртке больше всего было жалко портовую заплату. Ее поставили в первую неделю моей жизни в этом городе. С ней я ходил на шаланде, пережил шторм и слетал на Гряду. Теперь вся куртка осталась в кулаке у тупого громилы на платформе с бочками.

В кармане куртки не было ничего. Медяки я отдал за втулку, дощечка Прокла лежала за поясом, цилиндр под рубахой. Пустой мешочек Урга, тот, что он велел не выкидывать, висел на поясе. Его я пощупал первым, еще на крыше. Уцелел.

Других хороших мыслей за вечер не нашлось.

На доску в подсобке, под фонарем, я сел и развернул тряпку.

Холодная тварь лежала у меня на коленях, лицом к потолку подсобки. В желтом глазу отражался фонарь. По зеленому от края до середины шла тонкая трещина, которую на весах я заметил только мельком.

Лупу было удобно держать, словно я давно с ней работал. Сквозь махинское стекло я разглядел всю трещину, шейный шарнир без единого винта и белые кристаллы соли в нем. Под солью оказался металл латунного цвета, с удивительно мелким и ровным зерном, как у хорошей стали. Ни на одной латуни я такого не встречал. Состав сплава оставался загадкой; объяснить, в чем именно его отличие, я тоже пока не мог. Зато ломом эту вещь назвал человек, который и лупы к ней не подносил.

Тварь я повернул на бок.

Пластины на спине лежали сложенными. Одну я подцепил ногтем. Она подалась и поднялась на шарнире, как крышка. Под ней открылся второй ряд пластин, мельче, и под ними, на самом хребте, на гладком сегменте между лапами, что-то было вырезано.

Знак.

Под лупой он стал ясным. Три черты и крюк, вырезанные в металле ровнее, чем вырежет любая рука.

Я вынул из-под рубахи холодный цилиндр, положил ря-

дом и повернул под лупой. Знаки на его боку сейчас были темными, хотя возле батареи светились. Среди них я отыскал знакомый крюк с чертами.

Крюк и черты повторялись. На первый взгляд это был тот же знак.

Я сидел с лупой и разглядывал совпавшие черты, пока не почувствовал, что задержал дыхание. Пришлось отвести взгляд и глубоко вдохнуть.

Глава 5

Разбирать тварь я начал той же ночью: спать с такой вещью под головой все равно не получилось бы.

Фонарь в подсобке я снял с крюка и поставил на доску возле тряпки. За стеной спал Ург. Было тихо, только шуршали мыши да Кош во сне, кажется, продолжал качать мехи.

Лупу я положил справа, ключ слева. Пальцы из-под Нериных тряпок слушались через раз. Посередине лежала тварь, повернутая разными глазами к потолку. Я долго искал, с какой стороны начать разборку. На гладкой поверхности не было ни винта, ни шва, ни отверстия под ключ.

На заводе я видел устройства схожего назначения. В большие трубопроводы, куда человек не пролезет, пускали колесных ползунов с фонарем и телекамерой на кабеле. Они показывали свищи, наплывы, протекающие стыки. Делали их на трех заводах вскладчину, а чинить приходилось всей сменой: по сложности иная большая машина до них не дотягивала.

В этой твари я угадывал похожее устройство. Лапами удобно цепляться за стенку, усиками ощупывать путь. Пластины на спине могли раскрыться и упереться в трубу, удерживая корпус враспор. Трубный ползун, решил я. С таким названием задача стала понятнее, уже можно было прикидывать ремонт.

Я нажал на пластину у затылка, проверяя ее ход, и неожи-

данно слышал щелчок. Первый сегмент шеи откинулся на шарнире, как крышка. Под ним открылся второй, устроенный так же, за ним третий. Тварь была собрана на защелках: сегменты входили друг в друга и держались пружинами, которые удавалось увидеть только после раскрытия. Винты и заклепки для такой сборки не требовались.

Внутри было сухо.

От головы к брюху вдоль всего тела проходил тонкий круглый канал с гладкими стенками. По темному налету, похожему на высохшее масло, было видно, что прежде по нему что-то текло. Налет высох давно, возможно, несколько лет назад; жидкости не осталось ни капли. Я согнул щуп из обреза медной проволоки и провел по каналу до конца. Проволока вышла чистой и сухой, словно из кости.

В брюхе сидела ячейка.

Другого слова для нее у меня не нашлось. Она сидела в гнезде, откуда ее можно было вынуть и куда вставить обратно. Темная, граненая, величиной с большой палец, с бороздками вдоль граней; материал напоминал и камень, и стекло. Под лупой в бороздках обнаружилась мелкая синяя пыль, стеклянная на вид. Такая забивается под ногти намертво, ничем не отмоешь.

Лупа дрогнула у меня в руке от неожиданной догадки. Две вещи, которые я до сих пор рассматривал порознь, вдруг оказались связаны одним простым признаком — одинаковой синей стеклянной пылью. Пыль под ногтем у человека в пер-

чатках, того, что ставил батареи в ящиках с синими углами. Пыль в брюхе у латунной твари, принесенной на лом стариком с кровью на губах.

Человек в перчатках брал голыми руками содержимое ящиков. Судя по одинаковой пыли, в брюхе твари находилось что-то подобное.

Что это значило, я не понимал. Но на заводе половина моих ремонтов начиналась с того, что две разные жалобы оказывались одной.

Ячейка оставалась темной и холодной. Я поднес ее к груди, поближе к цилиндру, будто замерзшую руку к огню, но никакого тепла не почувствовал. Цилиндр тоже остался холодным. Кромки спинных пластин сточились. Очистив шарниры лап от соли, я увидел выеденный по краю металл, зато в самих посадках детали держались без люфта.

Соль сходила долго. Белая, сухая, кристаллами, она сидела в каждом шарнире, будто тварь годами лежала в соленой воде, а вода потом ушла. Набралось с наперсток. Я завязал ее в узелок из промасленной тряпки и сунул за пояс, чтобы не растерять.

Пружину лапы я поменял под утро.

У одной из шести лап лопнула пружина в шарнире, поэтому лапа висела. В ящике с хламом на верстаке Урга я нашел плоскую тонкую часовую пружину от судового хронометра, сданного на лом вместе с корпусом. Целиком она в шарнир не подходила.

Кусок я отломил на изгибе, отжег докрасна, раздув угли в Нериной жаровне, согнул на оправке, закалил в масле и отпустил до синевы. Все это я делал левой, потому что правая держала только на весу. Встала она в шарнир с третьего раза. Лапа поднялась и поджалась к брюху. Теперь все шесть лежали одинаково.

Я смазал все доступные места и собрал тварь, защелкнув сегменты один в другой. На тряпке снова лежал целый, вычищенный корпус с шестью лапами, двумя глазами и новой пружиной. Несмотря на всю работу, двигаться он так и не начал.

Теперь требовался источник питания. Батарея, ячейка, что угодно, способное нагреть цилиндр даже через две переборки. Установленной в брюхе ячейки не хватало и на то, чтобы согреть мне ладонь.

У меня было два неподвижных холодных предмета: тварь на тряпке и цилиндр под рубахой. На обоих стоял одинаковый знак, обоим, похоже, требовалось питание. Дома я предположил бы общую перерезанную линию. Здесь я даже местных слов для такого объяснения не знал. И обсудить было не с кем: Ург спал за стеной, а Кош во сне продолжал качать мехи.

На верстаке Урга, под ящиком с пружинами, лежала книга.

Засаленная, в истертой коже, с углами, стертыми до картона. Вытащил я ее, потому что искал тряпку, и открыл, по-

тому что в любой мастерской открывают любую книгу с верстака в надежде, что это справочник. Внутри были знаки. Ряды знаков, как в прописях, и подписи под ними мелким почерком. Первая строка на первой странице гласила «Сначала ставят руку».

На титуле значилось «Азбука письма». Вместо букв в ней были знаки с крюками и чертами, сходные с теми, что светились на цилиндре, хотя полного совпадения я не нашел. До рассвета я просидел над книгой. Так разбираешь незнакомый чертеж: детали еще не узнаешь, но правильность построения уже видна.

Руку поставить не получалось, хотя я пробовал. Взял уголь, взял доску, попробовал повторить первый знак, самый простой, три черты. Черты выходили кривые. Дрожь уже прошла. Боль мешала, но казалось, что дело еще и в каком-то особом навыке: я видел образец, а повторить движение по нему не умел. На третьей попытке я понял, что злюсь на книгу, как на инструмент не по руке. Книгу я закрыл.

Утром Ург увидел ползуна на тряпке, осмотрел его, не прикасаясь, затем заметил книгу, оставленную мной в другом месте.

— Тварь эту перебрал, теперь за книгу взялся? Читал, что ли?

— Смотрел, что там написано. Попробовал руку поставить, как в книге велят, только знак у меня не вышел.

— А кто тебе велел знаки выводить? Смотреть смотри,

хоть глаза протри, это можно. А руку ставить тебе ни к чему. Оставь.

Сказал он это, как говорят про чужой инструмент: смотреть можно, брать нельзя. И ушел к жаровне.

Укладываться меня он не стал, но задержал взгляд на лице. Видно, замечал мои бессонные ночи и был этим недоволен.

* * *

Кош пришел от Игната в полдень.

Кош молча встал в воротах и ждал. Первой его заметила Нера.

— Ну? Чего встал, как кнехт на причале? Говори, раз пришел.

Он ответил одной фразой. Для Коша это была целая речь.

— Игнат за тобой прислал, к себе зовет.

Сказал он это мне и больше никому. Остальное из него вытянула Нера, по слову, как гвозди клещами, и пересказала мне так быстро, что Кош только успевал кивать.

— Вторая консоль на пятом заглохла, под лапой, где Патерова шаланда стоит. Первую там шнуром закрыли еще до вас. Эта два дня как молчит. Игнат к ней ночью ходил через нижний лаз, доковые просили, и не поднял. А завтра Гильдия туда свою батарею ставит, в ящике, с медными углами. Так, Кош?

Кош выдохнул и пошел к мехам, будто ничего и не говорил.

Ург выслушал все без распоряжений. Посмотрел на меня,

на ползуна, которого я завернул и спрятал в ящик под доской, затем на книгу.

— Гнат! Рукавицы ему свои дай, широкие. В его собственные он теперь со своими тряпками и не влезет.

Гнат снял рукавицы с гвоздя и протянул мне.

— Бери мои, эти налезут. Только возвращайся с целыми руками, понял?

Пятый причал ночью был не тот, что днем.

Громила с лестницы ушел спать. Доковые Патера провели нас через лаз, узкий ход в теле уступа. По нему носили воду к нижним цистернам. Мы вышли к лапе снизу, с той стороны, где причальная стенка уходила в камень. Кожух консоли торчал из камня, как из стены цеха торчит задвижка, которую забыли закрасить. Темный, с рунами по краю, холодный. Игнат встал перед ним на колени.

— По-прежнему молчит. — Игнат провел пальцем в перчатке по рунам. — Вчера я пробовал его запустить, ничего не получилось. Посмотрим, изменилось ли что-нибудь за сутки.

Мастер в чистых перчатках снимал свою двумя пальцами. Игнат стянул перчатку зубами, сунул за пояс и приложил ладонь к кожуху. На новой коже блестел свет фонаря докового. Игнат закрыл глаза и замер, сосредоточившись на ощущениях под рукой. Что именно он различал, мне было недоступно.

Он открыл глаза.

— Руна на месте и отвечает, как ей положено. А узел мол-

чит.

— Что ты под ладонью чувствуешь? Узел совсем мертвый или его еще можно растолкать?

— Пустой он. На зов руна откликается, так что узел еще цел. Спящий от такого запускается, а тут ему словно нечем работать. Поэтому и молчит.

Игнат объяснял спокойно и деловито, как привык докладывать о потоке. Его наблюдение говорило мне больше, чем все «износы» мастера в перчатках. Руна давала отклик, сам узел оставался целым, а для работы ему чего-то не хватало.

К кожуху я подошел сам. Ни Игнат, ни доковый меня не остановили. Сняв правую рукавицу, я положил ладонь на холодный металл рядом с ладонью Игната и ничего не почувствовал, кроме холода и прилипшей к металлу тряпки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.